

Доктрина запрета противоречивого поведения

Аннотация. Статья посвящена изучению правовой конструкции запрета противоречивого поведения. Автором проведено сравнительное исследование юридических конструкций *venire contra factum proprium* и *estoppel*. Сделан вывод, что по своей юридической природе обозначенные правовые явления различаются, хотя обладают единой целью — защитить права и интересы слабой стороны. В работе указывается, что под запретом противоречивого поведения следует рассматривать правило, направленное на защиту добросовестной стороны путем отказа в удовлетворении исковых требований (материальный аспект) и (или) отказа в удовлетворении процессуального ходатайства (процессуальный аспект), если действия стороны, подавшей исковое заявление, направлены на опровержение собственного досудебного поведения (материальный аспект) и (или) поведения в рамках судебного разбирательства (процессуальный аспект). Автор выделяет также элементы правила *venire contra factum proprium*, которые формируют предмет доказывания при ссылке на эту доктрину, в частности: 1) противоречие вторичного поведения первоначальному поведению; 2) наличие недобросовестности в действиях или намерениях лица, действующего противоречиво; 3) причинение или намерение причинить ущерб противоположной стороне.

Ключевые слова: эстоппель; запрет противоречивого поведения; *venire contra factum proprium*; добросовестность; судебная практика; ущерб; справедливость; зарубежное право; предмет доказывания; правовая природа.

Для цитирования: Грибов Н. Д. Доктрина запрета противоречивого поведения // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 128—135. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135.

The Doctrine of the Conflicting Behavior Prohibition

Nikolay D. Gribov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Justice, Russian State University of Justice
Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418
ng.law@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the legal construction of the prohibition of conflicting behavior. The author conducted a comparative study of the legal structures of *venire contra factum proprium* and *estoppel*. It is concluded that the indicated legal phenomena differ by their legal nature, although they have a common goal — to protect the rights and interests of the weak party. The paper indicates that the prohibition of conflicting behavior should consider a rule aimed at protecting a bona fide party by refusing to satisfy claims (material aspect) and (or) refusing to satisfy a procedural motion (procedural aspect) if the actions of the party that filed the claim, are aimed at refuting their own pre-trial behavior (material aspect) and (or) behavior in the framework of the trial (procedural aspect). The author highlights elements of the *venire contra factum proprium* rule, which form the subject of proof when referring to this doctrine, in particular: 1) the contradiction of secondary behavior to the

© Грибов Н. Д., 2020

* Грибов Николай Дмитриевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
ng.law@yandex.ru

original behavior; 2) the presence of dishonesty in the actions or intentions of a person acting in contradiction; 3) causing or intention to cause damage to the opposite side.

Keywords: estoppel; prohibition of conflicting behavior; venire contra factum proprium; good faith; arbitrage practice; damage; justice; foreign law; subject of evidence; legal nature.

Cite as: Gribov ND. Doktrina zapreta protivorechivogo povedeniya [The Doctrine of the Conflicting Behavior Prohibition]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(3):128-135. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.128-135. (In Russ., abstract in Eng.).

Постановка проблемы. В современной российской юридической литературе и судебной практике для интерпретации противоречивого поведения используют юридическую конструкцию estoppel (эстоппель) или древнеримскую максиму venire contra factum proprium («Никто не может противоречить собственному предыдущему поведению»). Анализ судебных актов показывает, что суды применяют эти правовые дефиниции как идентичные или подразумевая их различие, усматривая, что из этих правил следует запрет противоречивого поведения¹. Суды часто отмечают также, что эстоппель выступает принципом российского права². Исследование зарубежной доктрины показывает, что эстоппель и venire contra factum proprium по своей правовой природе различны и использование термина «эстоппель» в правоприменительной практике искажает юридическую суть этого явления.

Зарубежная практика. В ходе развития права для стабилизации экономического оборота в зарубежных правовых системах были выработаны два правовых механизма, основой которых выступает запрет противоречивого поведения. Первый, именуемый эстоппель, был сформиро-

ван английскими судами в рамках права справедливости (law of equity). Второй, называемый venire contra factum proprium, был выработан римскими глоссаторами при интерпретации положений Corpus Iuris Civilis в рамках exceptio doli generalis и в дальнейшем заимствован правовыми порядками стран континентальной системы права³.

Точного определения правилу эстоппеля дать невозможно, так как данная доктрина подразделяется на различные виды, применяемые в материальном и процессуальном праве. Так, процессуальная доктрина estoppel by res judicata (collateral estoppel) позволяет избежать повторного пересмотра однажды решенного дела. Аналогичное правило имеется в российском процессуальном праве и связано с недопустимостью повторного рассмотрения спора между теми же лицами о том же предмете и по тем же основаниям. Другой вид эстоппеля именуется laches и применяется, когда истец преднамеренно задерживает принятие юридических мер в целях причинения ущерба оппоненту. Например, он используется в исках о клевете, когда истец специально задерживал предъявление иска для того, чтобы противоположная сторона утратила

¹ См., например: решение Кировского районного суда города Перми от 21.01.2019 по делу № 2-563/2019 ; решение Андроповского районного суда Ставропольского края от 07.02.2019 по делу № 2-7/2019 ; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.02.2019 № Ф01-6673/2018 по делу № А79-6317/2017 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.04.2019 № Ф05-3861/2019 по делу № А40-148674/2018 ; постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2018 № 05АП-6412/2018 по делу № А59-1349/2014 // ГАС РФ «Правосудие», СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: определение Верховного Суда РФ от 27.02.2019 № 310-ЭС18-23373 по делу № А68-6482/2017 ; определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.10.2014 по делу № 303-ЭС14-31, А51-1943/2011 ; Апелляционное определение Московского городского суда от 06.12.2018 по делу № 33-53720/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Protection of the purchaser's reliance in 16th—18th century England and Europe // The Western Australian Jurist. Vol. 3. 2012. Pp. 4. URL: <http://classic.austlii.edu.au/au/journals/WAJurist/2012/1.pdf> (дата обращения: 02.01.2019).

доказательства. Данный эстоппель — фактическое воплощение римской максимы *vigilantibus non dormientibus aequitas subvenit* («Справедливость помогает бдительным, а не спящим»).

В английском контрактном праве эстоппель непосредственно связан с категорией *consideration*, обозначающей возмездность. В англосаксонском праве договор считается незаключенным, если от стороны не поступит встречное удовлетворение (*consideration*). Например, если А согласился безвозмездно покрасить забор Б, то в дальнейшем он вправе передумать и не делать эту работу, так как контрактных отношений не возникло. Однако если Б согласится выплатить за это определенную денежную сумму, то считается, что между сторонами сложились договорные отношения.

Следует принимать во внимание, что из правила *consideration* есть исключение, которое связано с особой формой, в которую облекается обращение. В частности, договоры, связанные с передачей недвижимого имущества, заверяются особым образом (*deed*). При этом в рамках специальной формы действует отдельный вид эстоппеля — *estoppel by deed*, устанавливающий, что лицо предоставившее *deed*, теряет право в дальнейшем оспорить утверждение о факте, сделанное им в этом документе.

Однако не каждый документ оформляется по правилам *deed*, поэтому для стабилизации гражданского оборота и защиты слабой стороны английскими судами в рамках права справедливости была разработана доктрина эстоппеля.

Для иллюстрации обозначенного рассмотрим дело *Marra vs Nazzaro*. Джоанна Марра и Эрик Наззаро вместе проживали в доме последнего. Стороны не находились в брачных отношениях. Джоанна потратила свои собственные денежные средства на обустройство дома. В мае 2017 г. Эрик ушел к другой женщине. В дальнейшем он обещал, что вернет Джоанне деньги, потраченные на улучшение, и что она может проживать до ноября 2017 г. в его доме. Несмотря на то что

стороны пришли к устному соглашению, Марра хотела письменного заверения, которое Эрик предоставить отказался. Это послужило поводом для постоянных звонков и текстовых сообщений от Джоанны. В результате Эрик был вынужден обратиться в суд и получить приказ о защите, который фактически не позволял Марре находиться в доме бывшего парня. Джоанна обратилась в суд за защитой. Поскольку иск относился к категории мелких тяжб, суд обязан проанализировать все правовые теории, которые, возможно, приведут к удовлетворению требований заявителя (*Carlo vs Koch-Matthews*). Суд пришел к выводу, что в деле необходимо применить доктрину *proprietary estoppel*, поскольку: 1) обещание Эрика о том, что Джоанна может проживать в доме, являлось четким и недвусмысленным; 2) девушка разумно и предсказуемо полагалась на это обещание; 3) неисполнение обещания привело к ущербу⁴.

Как видно из примера, для применения доктрины эстоппеля необходимо наличие одновременно следующих условий:

- 1) сторона дала обещание и это обещание было ясным и недвусмысленным;
- 2) вторая сторона, действуя разумно и осмысленно, полагалась на это обещание;
- 3) последствием невыполнения этого обещания одной из сторон выступает ущерб.

В государствах романо-германского права для защиты правовых интересов слабой стороны применяется доктрина *venire contra factum proprium*. Так, в деле *Wolper v. Hotel Europe* судья Джеймс Карр отметил, что на соглашение распространяется законодательство Швейцарии, о чем договорились его стороны, право Швейцарии не признает доктрину *equitable estoppel*, а ее аналог, доктрина *venire contra factum proprium*, требующая от лица, состоящего в правовых отношениях, действовать добросовестно и установленная ст. 2 Гражданского кодекса Швейцарии, применена в этом деле быть не может⁵.

⁴ *Marra v. Nazzaro* 2018 NY Slip Op 50004(U) // URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/other-courts/2018/2018-ny-slip-op-50004-u.html> (дата обращения: 02.01.2019).

⁵ *Wolper v. Hotel Europe*, United States District Court, N. D. Ohio, Western Division // URL: <https://cite.case.law/f-supp-2d/552/687/> (дата обращения: 21.06.2019).

Как отмечает правовед Луис Сомбра, идея *venire contra factum proprium*, основанная на идеях добросовестности и честности, включает следующие элементы:

- 1) первоначальное поведение;
- 2) поведение, которое противоречит первоначальным заверениям и совершенное в иной временной промежуток;
- 3) противоречивое поведение должно не отвечать критериям добросовестности, так как противоречие выступает неотъемлемой особенностью человека и присуще динамике современных общественных отношений, и, соответственно, только действия, причинившие либо направленные на причинение вреда другой стороне, должны признаваться неправовыми⁶.

В немецком праве, благодаря доктрине *venire contra factum proprium* и намерению противодействовать злоупотреблению правом, зародилась доктрина *Verwirkung*. Она была сформирована в 1920 г. Верховным судом Германии. Доктрина запрещает лицу воспользоваться своим правом, если оно не использовало это право в определенный период и другая сторона, полагаясь на добросовестность, рассчитывала, что это право в будущем не будет существовать⁷. При этом доктрина *Verwirkung* применяется лишь тогда, когда непоследовательное поведение привело к существенному ущербу для заявителя, доверившегося противоположной стороне⁸. Так, Верховный суд Германии указал, что одного лишь поведения истца, длительное время не предъявлявшего иск, недостаточно

для того, чтобы признать последующее предъявление требования недопустимым и лишенным правовой защиты⁹.

Следует отметить, что эстоппель и *venire contra factum proprium* следует отличать от доктрин *waiver* и законных ожиданий (*legitimate expectation*). Эстоппель в английском праве защищает или создает право, тогда как законные ожидания, применяемые в рамках публичного права, обозначают потенциальную или ожидаемую выгоду, которая может стать правом при признании ее таковой судом¹⁰. Конституционный Суд РФ в нескольких судебных актах отмечал, что законные ожидания граждан заключаются в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано¹¹. Что касается *waiver*, то общих чертах в английском праве он обозначает определенное ограничение права в случае, когда обладатель права делает явное волеизъявление, что в течение определенного периода он этим правом не воспользуется. Правовед Н. С. Лашков усматривает, что правило *waiver* отличают намерения стороны; если при эстоппеле значение имеют лишь фактические действия лица, то при применении *waiver* значимо только выражение прямого волеизъявления¹².

Российская практика. В отечественном праве правовой основой запрета противоречивого поведения выступают положения ст. 1, 10, п. 2 и 5 ст. 166, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1. ГК РФ, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 6 ст. 45 КАС РФ. При этом в отечественном законодательстве не за-

⁶ *Thiago Luís Sombra. The Duty of Good Faith Taken to a New Level: An Analysis of Disloyal Behavior // Journal of Civil Law Studies. Vol. 9. 2014. Pp. 54.*

⁷ *Basedow J., Hopt K. J., Zimmermann R., and Stier A. Max Planck Encyclopedia of European Private Law. Vol. II. Oxford University Press, 2012. Pp. 1767—1770.*

⁸ *Нам К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. 2019. № 1. С. 62.*

⁹ *Нам К. В. Указ. соч. С. 62.*

¹⁰ *Doctrine of Legitimate Expectations: Prospects and Problems in Pakistan // URL: <https://tinyurl.com/yd5j27e5> (дата обращения: 16.01.2019).*

¹¹ *См., например: определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 № 502-О ; постановление Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П // СПС «КонсультантПлюс».*

¹² *Лашков Н. С. Критический анализ возможности заимствования английских доктрин *waiver* и *estoppel* российским правом // Закон. 2016. № 7. С. 106—116.*

креплены термины «эстоппель» и *venire contra factum proprium*. Обозначенные юридические конструкции используются судами для констатации противоречивого поведения. Более того, единого подхода к пониманию и толкованию данных правовых явлений не выработано. Для достижения задач исследования вопрос применения правила запрета противоречивого следует рассмотреть через ряд аспектов.

Первый аспект — использование судами термина «эстоппель». В частности, в судебной практике судов общей юрисдикции распространена формулировка о том, что правило, установленное п. 3 ст. 432 ГК РФ, является эстоппелем и частным случаем проявления принципа добросовестности¹³. Учитывая, что эстоппель в общих чертах — это доктрина, базирующаяся на праве стран англосаксонской правовой семьи и справедливости (*equity*) и выработанная судами в рамках особенностей их контрактного права (материальный аспект) и обеспечения гарантий невозможности пересмотра уже решенного в суде вопроса (процессуальный аспект), то использование термина «эстоппель» в отечественном правоприменении искажает правовую природу этого явления. Нельзя слепо копировать зарубежные институты и термины без понимания их сущности и механизмов работы.

Второй аспект — толкование запрета противоречивого поведения в качестве межотраслевого принципа отечественного права. В ряде доктринальных источников и судебных актов эстоппель либо *venire contra factum proprium*

рассматриваются в качестве принципа права¹⁴. Следует не согласиться с подобной трактовкой. К. А. Малюшин, Д. А. Фурсов обоснованно усматривают, что одним из основных признаков принципов права является их нормативная закреплённость¹⁵. Норм, прямо закрепляющих запрет противоречивого поведения, в российском законодательстве нет. Существование правовой конструкции запрета противоречивого поведения в российском праве выводится правоприменителями из ряда положений ГК РФ, из процессуальной и материальной добросовестности. Более того, при ссылке на процессуальный эстоппель, судьи, как правило, одновременно ссылаются на ч. 1 ст. 35 ГПК РФ или ч. 2 ст. 41 АПК РФ, устанавливающих запрет недобросовестных действий. Следует также отметить, что в международном праве эстоппель — не принцип, а международно-правовая норма, означающая утрату государством права ссылаться на основания прекращения, приостановления или недействительности международных договоров¹⁶. Соответственно, запрет противоречивого поведения не следует рассматривать в качестве принципа отечественного права.

Третий аспект — для обозначения правовых последствий противоречивого поведения необходимо применять древнеримскую максиму *venire contra factum proprium*, а не термин «эстоппель». Данный вывод следует из того, что российская правовая система унаследовала основы римского права и, соответственно, более близким по юридическому духу является инсти-

¹³ См., например: решение Одинцовский городской суд Московской области от 07.02.2018 по делу № 2-538/18 ; апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 15.02.2018 № 33-972/2018 ; решение Псковского городского суда Псковской области от 09.07.2018 по делу № 2-1931/2018 // ГАС РФ «Правосудие».

¹⁴ См., например: *Шеменева О. Н.* Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // *Вестник гражданского процесса*. 2019. № 1. С. 343—353 ; *Седова Ж. И., Зайцева Н. В.* Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М. : Статут, 2014. 159 с.

¹⁵ См., например: *Малюшин К. А.* Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / науч. ред. В. В. Ярков. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 256 с. ; *Фурсов Д. А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики) : монография. М. : Инфра-М, 1999. С. 360, 361.

¹⁶ *Словарь международного права* / Т. Г. Авдеева, В. В. Алешин, Б. М. Ашавский [и др.] ; отв. ред. С. А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 495 с.

тут *venire contra factum proprium*. При этом древнеримский терминологический оборот следует применять для обозначения именно правовых последствий противоречивого поведения, которые могут совершаться в рамках реализации диспозитивных норм материального либо процессуального права. Соответственно, данное правило является межотраслевым и обладает материальным и процессуальным аспектом.

Venire contra factum proprium. Для точного понимания и применения конструкции *venire contra factum proprium* перейдем к исследованию ее элементов применительно к российскому праву. Выделение составных частей этой конструкции необходимо для установления предмета доказывания в рамках противоречивого поведения.

Первым элементом выступает первоначальное поведение (*factum proprium*). В рамках гражданских правоотношений это поведение может выражаться в согласии со сделкой и ее исполнении при наличии признаков недействительности (п. 2 и 5 ст. 166 ГК РФ). В процессуальных правоотношениях *factum proprium* реализуется, например, при подаче возражений лица, участвующего в деле, относительно фактической стороны дела в рамках производства в суде первой инстанции. Первоначальное поведение или намерение должно реализовываться только при отсутствии запретов на его осуществление в рамках норм права.

Вторым элементом является вторичное поведение, которое противоречит первоначальному (*contra factum proprium*). Например, в корпоративном праве это может выражаться в первоначальном признании обществом факта перехода долей наследникам и принятии решения о выплате действительной стоимости доли (*factum proprium*) и последующем отказе в выплате иной стоимости доли, поскольку заявите-

ли выступают наследниками лица, которое не являлось участником хозяйственного общества (*contra factum proprium*)¹⁷.

Третьим элементом выступает недобросовестность лица, действующего противоречно. Не каждое противоречивое поведение подпадает под действие доктрины *venire contra factum proprium*, а лишь то, которое является недобросовестным. Этот вывод следует из права участников гражданского оборота изменять свою позицию под влиянием экономических обстоятельств либо иных причин или в силу совершения ошибки.

На необходимость выделения этого элемента указывает и судебная практика. Так, в п. 70 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 закреплено, что сделанное в любой форме заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность лицо действует недобросовестно¹⁸. В споре о взыскании задолженности за поставленный газ суд отметил, что противоречивое поведение имеет негативный характер, только являясь недобросовестным, когда субъект оборота намеренными действиями, осознавая их непоследовательность и избирательную направленность в зависимости от ситуативной выгоды, обманывает правомерные ожидания своих контрагентов, рассчитывавших на его предсказуемость, как если бы он вел себя так же, как любое другое лицо, поступающее подобно доброй совести и разумной осмотрительности в делах. Соответственно, ошибочное предъявление истцом к оплате поставленного газа без повышающих коэффициентов, предшествовавшее обращению в суд, само по себе о наличии таких действий не свидетельствует¹⁹. В другом деле суд кассационной инстанции указал, что запрет противоречивого поведения не может быть применен, так как из материалов не

¹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 305-ЭС18-13555 по делу № А40-8631/16-57-9 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.07.2018 № Ф04-2480/2018 по делу № А27-18097/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

усматривается наличие в поведении ответчика признаков недобросовестности²⁰.

Четвертым элементом является наличие ущерба либо его будущее причинение стороне, которая добросовестным образом положи-лась на определенную юридическую ситуацию. В деле *Sanders v. United Distributors, Inc.* судья Редманн, сравнивая теорию эстоппеля и *venire contra factum proprium* и ссылаясь на ряд доктринальных источников, указал, что независимо от применяемой доктрины истец должен доказать что-то похожее на *injurious reliance* (ущерб)²¹. При этом представляется, что ущерб может иметь материальное выражение либо выражаться в нарушении прав и законных интересов лица. В рамках процессуального аспекта запрета противоречивого поведения нарушается, например, правовая определенность, так как каждая сторона должна раскрыть позицию относительно фактов дела при производстве в суде первой инстанции. При материальном аспекте *venire contra factum proprium* ущерб может состоять в потере корпоративного контроля над организацией²². Российские суды, как правило, не выделяют ущерб в качестве элемента противоречивого поведения. Представляется, что данная практика не соответствует духу доктрины *venire contra factum proprium*, направленной не против всякого противоречивого поведения, а только против такого, которое имеет целью причинить ущерб правам и интересам другой стороны.

Таким образом, в предмет доказывания при применении доктрины *venire contra factum proprium* должны входить следующие обстоятельства: противоречие вторичного поведения первоначальному поведению, наличие недобросовестности в действиях или наме-

рениях лица, действующего противоречиво, причинение или намерение причинить ущерб противоположной стороне. При установлении обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестном противоречивом поведении, суд отказывает в удовлетворении исковых требований (материальный аспект) и (или) отказывает в удовлетворении процессуального ходатайства (процессуальный аспект).

Следует также отметить, что если суд устанавливает противоречивое поведение в рамках его материального аспекта и ни одна из сторон не ссылается на недобросовестное поведение, то он обязан вынести на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком поведении (абз. 4 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). Так, в одном из дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила, что суд апелляционной инстанции не вынес на обсуждение обстоятельства отчуждения спорного имущества с учетом того, что ответчик на этот момент являлся должником истца и мер по исполнению обязательства не предпринимал²³. Касательно процессуального аспекта *venire contra factum proprium* ни закон, ни разъяснения высшей судебной инстанции не указывают на необходимость обсуждения с лицами, участвующими в деле, процессуальной недобросовестности на судебном заседании, поэтому представляется, что суд по своей инициативе вправе применить правило запрета противоречивого поведения, не учитывая мнений участников цивилистического процесса.

Выводы. По результатам исследования можно отметить следующее:

— правовые категории эстоппеля и *venire contra factum proprium* по своей юридической природе

²⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.10.2018 № Ф08-8454/2018 по делу № А32-144/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ *Sanders v. United Distributors, Inc.*, Louisiana Court of Appeal // URL: <https://cite.case.law/so-2d/405/536/> (дата обращения: 21.06.2019).

²² См., например: решение Арбитражного суда Амурской области от 09.08.2019 и постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.02.2019 № Ф03-5419/2018 по делу № А04-4796/2018 // URL: <http://kad.arbitr.ru/>.

²³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 № 78-КГ18-53 // СПС «КонсультантПлюс».

- различаются, хотя обладают единой целью — защитить права и интересы слабой стороны;
- при вынесении судебного акта и констатации противоречивого поведения следует использовать древнеримскую максиму *venire contra factum proprium*, а не эстоппель;
- в предмет доказывания при ссылке на необходимость применения правила *venire contra factum proprium* должно входить не просто противоречивое поведение, но наличие недобросовестности у одной из сторон и намерения причинить ущерб;
- запрет противоречивого поведения следует рассматривать в качестве правила, направленного на защиту добросовестной стороны путем отказа в удовлетворении исковых требований (материальный аспект) и (или) отказа в удовлетворении процессуального ходатайства (процессуальный аспект), если действия стороны, подавшей исковое заявление, направлены на опровержение собственного досудебного поведения (материальный аспект) и (или) поведения в рамках судебного разбирательства (процессуальный аспект).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лашков Н. С. Критический анализ возможности заимствования английских доктрин *waiver* и *estoppel* российским правом // Закон. — 2016. — № 7. — С. 106—116.
2. Малюшин К. А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / науч. ред. В. В. Ярков. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 256 с.
3. Нам К. В. Принцип добросовестности. Система и бессистемность // Вестник гражданского права. — 2019. — № 1. — С. 28—74.
4. Седова Ж. И., Зайцева Н. В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. — М. : Статут, 2014. — 159 с.
5. Словарь международного права / Т. Г. Авдеева, В. В. Алешин, Б. М. Ашавский [и др.] ; отв. ред. С. А. Егоров. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2014. — 495 с.
6. Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики) : монография. — М. : Инфра-М, 1999.
7. Шеменева О. Н. Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 343—353.

Материал поступил в редакцию 17 июля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Lashkov N. S. Kriticheskij analiz vozmozhnosti zaimstvovaniya anglijskih doktrin *waiver* i *estoppel* rossijskim pravom // Zakon. — 2016. — № 7. — S. 106—116.
2. Malyushin K. A. Principy grazhdanskogo ispolnitel'nogo prava: problemy ponyatiya i sistemy / nauch. red. V. V. Yarkov. — M. : Infotropik Media, 2011. — 256 s.
3. Nam K. V. Princip dobrosovestnosti. Sistema i bessistemnost' // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2019. — № 1. — S. 28—74.
4. Sedova Zh. I., Zajceva N. V. Princip estoppel' i otkaz ot prava v kommercheskom oborote Rossijskoj Federacii. — M. : Statut, 2014. — 159 s.
5. Slovar' mezhdunarodnogo prava / T. G. Avdeeva, V. V. Aleshin, B. M. Ashavskij [i dr.] ; otv. red. S. A. Egorov. — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2014. — 495 s.
6. Fursov D. A. Predmet, sistema i osnovnye principy arbitrazhnogo processual'nogo prava (problemy teorii i praktiki) : monografiya. — M. : Infra-M, 1999.
7. Shemenewa O. N. Princip estoppel' i trebovanie dobrosovestnosti pri osushchestvlenii dokazatel'svennoj deyatel'nosti po grazhdanskim delam // Vestnik grazhdanskogo processa. — 2019. — № 1. — S. 343—353.